

Я. Голованов
ШУРА БАЛАГАНОВ В РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО
Комсомольская правда, 16 января 1982

Как вы помните, в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» уже во время первой встречи Остап Бендер сказал Шуре Балаганову: «Я с детства хочу в Рио-де-Жанейро. Вы, конечно, не знаете о существовании этого города.

Балаганов скорбно покачал головой. Из мировых очагов культуры он, кроме Москвы, знал только Киев, Мелитополь и Жмеринку».

В нашей группе, путешествующей по Латинской Америке, были люди самых разных специальностей: лингвисты, художники, агроном, врач, были и два популярных артиста кино: Ролан Антонович Быков и Леонид Вячеславович Куравлев. Вместе с нами очень хотел поехать и Сергей Юрьевич Юрский, но гастроли его театра как раз в одном из известных Шуре очагов мировой культуры помешали ему.

— Все не так, как в книге, — смеялся Ролан Быков. — В Рио-де-Жанейро стремился Остап Бендер, а приехал Шура Балаганов.

Он намекал на популярный фильм режиссера Михаила Швейцера, в котором Юрский играл Бендера, а Куравлев — Балаганова.

Расхождения с книгой были более глубокие: наш «Шура Балаганов» приехал в Рио-де-Жанейро вовсе не для того, чтобы в праздности фланировать под пальмами. Ему, как и всем его товарищам по группе, было важно не только увидеть и узнать Бразилию, но сделать все возможное для того, чтобы сами бразильцы больше узнали о нашей стране, узнали больше правды о ней.

Человек из СССР — все-таки редкость в Южной Америке. Не так много бывает здесь туристов, в меньшей степени, чем хотелось бы, развиты научные, культурные, спортивные связи, особенно с самой большой страной континента — Бразилией. Мне довелось присутствовать, например, на встречах с кинопродюсерами, на приеме в честь присуждения Золотого приза XII Московского международного кинофестиваля бразильскому фильму «Выжатый человек». Даже профессиональные кинематографисты знают современное советское кино очень плохо, так, понаслышке. Совсем недавно приступивший к работе в Бразилии, но уже немало сделавший, молодой в энергичный представитель «Совэкспортфильма» Юрий Гацалов рассказывал мне, что и в Рио, и в Сан-Паулу наши фильмы иногда покупают. Но какие? «Чудо с косичками», «Король манежа», «Робинзон Крузо», «Старая, старая сказка», «Конек-Горбунок», фильмы-балеты «Иван Грозный», «Анна Каренина», прижились здесь герои серии «Ну, погоди!». Шура Балаганов И. Ильфа и Е. Петрова был человеком почти нетронутым музами искусств, но даже он, мне кажется, смог бы сообразить, что при всех достоинствах перечисленных лент они лишь в малой мере отражают богатство сегодняшнего советского кинематографа. Среди всех купленных бразильцами фильмов нет, по сути, ни одного, рассказывающего о том, какие мы с вами сегодня: в каких городах и деревнях живем, как работаем, учимся, к чему стремимся, короче — нет фильмов о нашей сегодняшней жизни. Разговоры же о нежелании «привносить политику в искусство» — это тоже политика, и вполне определенная: трудно заставить человека поверить в разные небывлицы, если он видел правду собственными глазами.

Кстати, лучшие работы самого бразильского кинематографа просто пропитаны политикой, социальными проблемами. Пример тому — «Выжатый человек». Присуждение в Москве Золотого приза этому бразильскому фильму было встречено в культурных кругах с большим удовлетворением: бразильское кино впервые получило высший приз на международном форуме. Герои фильма — поэт и рабочий, затерявшиеся

в громадном многомиллионном Сан-Паулу, ощущают, как мир эксплуатации постоянно и планомерно вытравливает из них человеческую душу. И виновники их бедствий обозначены со всей определенностью и социальной остротой.

На приеме в честь присуждения Золотого приза в Культурном центре Рио-де-Жанейро я познакомился с режиссером-постановщиком этого фильма Жоао Батиста Моравец Андраде. Этот молодой, необыкновенно энергичный человек в джинсовом костюме был, как вы понимаете, героем вечера, и беседовать с ним долго было просто невежливо. Он очень сожалел, что, занятый съемкой новой картины, не смог приехать в Москву (приз получала жена, которая работает вместе с ним). Что это за новая картина? О, это нелегко объяснить. Это «Бесы» Достоевского, но это особенные, «бразильские бесы». Герой новой ленты — честный бразильский интеллигент, понимающий, что его стране необходимо дальнейшее движение к демократии, и остро чувствующий свою гражданскую причастность к этому процессу. Его увлекают горячие речи леваков-экстремистов, он примыкает к их движению и день за днем, сам того не замечая, начинает внутренне перерождаться. Он уже не с народом, а над народом, из защитника народа он становится его врагом.

— Меня называют коммунистом, но какой я коммунист, — машет рукой Жоао. — Просто я хочу говорить о том, что меня действительно волнует в жизни сегодняшней Бразилии...

Встречи, беседы, лекции были для нас не менее обязательной частью программы, чем посещение достопримечательностей. Актеры встречались с актерами, лингвисты с лингвистами, художники с художниками, — побывать хотелось везде, но я был единственным журналистом в нашей группе. Очень сожалею, что не смог быть на заседаниях II Международного конгресса хирургов-пластиков в Рио.

Остап Бендер убеждал Шуру Балаганова, что в Рио-де-Жанейро полтора миллиона горожан ходят в белых штанах. мода переменялась с тех пор: белые штаны довольно редко встречаются сегодня. Но приверженность моде вообще осталась. Среди многих самых разных «криков моды» модны, например, пластические операции. Об этом мне рассказала Инна Ивановна Кольгуненко — главный врач московского «Института красоты». Она была на заседаниях конгресса и посетила клинику профессора Питанчи — самого «модного» бразильского хирурга-пластика.

— За операции на лице, которые делают человека красивее, — рассказывала Инна Ивановна, — в Москве тоже надо платить, но стоимость операции в нашей лечебнице не идет просто ни в какое сравнение с бразильскими прейскурантами. Исправление формы носа стоит, например, 120 тысяч крузейро — это около 1600 рублей по курсу!

Ну как тут снова не вспомнить Илью Ильфа: «Ах, как трудно быть красивым, когда некрасив!» А траты бразильских женщин понять можно. Особенно самых молоденьких и самых красивых. Влечет, манит сияющая, недостижимая вершина — звание «мисс Бразилия». Конкурсы красоты — городские, по штатам, общенациональные, — очень популярны в стране. Вокруг бразильских красавиц делают большие деньги. Взять хотя бы тех же хирургов-пластиков, а их в Бразилии более тысячи, разве они не заинтересованы -- самым непосредственным, грубо материальным образом в популяризации этих конкурсов? Приз «мисс Бразилия» — 10 миллионов крузейро, «Мерседес» и катер — это меньше, чем Остап Бендер собирался отпить у подпольного миллионера Корейко, и уж совершеннейший пустяк в сравнении с доходами фирм, торгующих нарядами и драгоценностями, с дивидендами кино- и телекомпаний. Их призы несравнимо больше, чем тот, который получает единственная счастливица, и получают они эти призы уже не за красоту, а за тонкую эксплуатацию наивной человеческой психологии: если «мисс Бразилия» — реальность, значит, кто-то же станет ею!

Поездка наша была организована Союзом советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, и везде, где могли, и в Мексике, и в Перу, и в Бразилии, мы непременно были гостями местных обществ дружбы с Советским Союзом. Мне особенно запомнилась встреча в рабочем клубе Тижуки — одного из районов Рио-де-Жанейро. Несколько маленьких комнат, полка с книгами, за стеклом шкафа — советские сувениры, по ним можно догадаться, что гости были из Молдавии. Афиши наших фильмов. Вот недавно тут смотрели трилогию о Максиме, а потом была беседа о творчестве Горького. Таких клубов в Рио шесть. Встречу с активистами Тижуки открыл вице-президент общества «Бразилия -- СССР» Гомес Собринию Кустодио, и не успел представить нас, как сразу посыпались вопросы. Апаресидо Ботелио — переводчица, преподает русский язык в университете, говорит с легким акцентом, но очень грамотно. Сразу замечаю одну характерную деталь: почти все вопросы наши собеседники начинают формулировать так: «А правда ли, что...?» Люди не очень доверяют всему тому, что читают, слышат о нашей стране, и прежде всего хотят проверить: «А правда ли?»

— А правда ли, что человек в СССР не может иметь собственный дом?

— А правда ли, что бракоразводный процесс стоит уйму денег?

— А правда ли, что на советских космических кораблях летали граждане других стран?

Это вопрос ко мне. Рассказываю о советской космической программе, о полете орбитальной станции «Салют-6» о работе международных экипажей. Снова вопросы:

— Вы хотите сказать, что в Советском Союзе своя космическая программа, которая не копирует американскую?

Мама родная! Это спрашивают активисты общества дружбы, люди, безусловно симпатизирующие вашей стране, некоторые из них даже знают русский язык! Что же говорить тогда о массе простых людей, что же они о нас знают?! В Оро-Прето один парнишка поинтересовался, откуда мы приехали, а когда ему сказали, что из Советского Союза, он как-то рассеянно улыбнулся.

— Знаешь, где находится Советский Союз? — спросил его Леонид Куравлёв.

— Да... Где-то на Тихом океане...

— Шура Балаганов был человеком весьма поверхностного образования, по такие вещи он знал,— сказал мне тогда Куравлев.

Мы посчитали это курьезом, ну попался какой-то темный паренек, «двоечник»...

Но сейчас, услышав такой вопрос, я вспомнил этот разговор и подумал: а может, это и не курьез вовсе?..

— Но в таком случае, и бразильский космонавт может полететь вместе с советским?!!

— Не вижу здесь ничего фантастического, — отвечаю и все начинают аплодировать. Прежде всего своей мечте. Мечте о том, что два огромных народа, которые живут так далеко друг от друга, могут стать близкими.

Прощались обычно долго, вопросы до порога, до дверцы автомобиля. В гостиницу в тот вечер меня и профессора Исаева вызвалась отвезти Апаресидо Ботелио. В дороге разговорились. Она была в Москве, которая ей очень понравилась, Но Ленинград еще больше. Потом помолчала и вдруг сказала:

— Вот вы спрашивали о безработице. Конечно, это ужасно. Но, как ни странно для вас звучит, дело не в безработице даже, а в том, что человек, имеющий работу, живет в постоянном страхе ее потерять. Он все время боится, что его уволят, он не знает, что с ним будет завтра... Вот этого вам не понять...

«Хорошо жить на свете!—говорил в «Золотом теленке» Шура Балаганов. — Вот мы едем, мы сыты. Может быть, нас ожидает счастье...»

Из Южной Америки домой мы возвращались с остановками в Гаване и Рабате. В столицу Марокко прилетели поздно – уже упала теплая звездная ночь. Нас высадили из самолета, завели в стеклянный павильон, выдали по бутылочке апельсинового сока, который стоит тут дешевле минеральной воды. Потом хмурый, сонный сержант запер всех нас на ключ и ушел. Все было не так, как у Ильфа и Петрова: вместо того, чтобы лететь, мы сидели на земле уже достаточно проголодавшиеся, и ожидало нас не счастье, а томительные минуты аэропортовского ожидания. Мы понимали, что никаких марокканских виз у нас нет, а потому гулять нам не положено, но в павильоне было душно и хотелось глотнуть свежего воздуха. Ролан Быков подошел к двери и робко ткнул ее пальцем. Замок не поддался.

— Вот видишь, все не так, как в книгах, — сказал я. Шура Балаганов гулял по Рио-де-Жанейро, а Бармалея не пускают в Африку...

Я. ГОЛОВАНОВ.

(Наш спец. корр.).

Фото автора, Мексика — Бразилия — Перу — Москва.